

Чужая душа – потёмки...

Выпускной

Ч. 1

Апрель врывался в открытое окно первым весенним теплом. Во дворе школы вихрем носилась, казалось, вся тысяча её учеников – от смешных первоклашек до расшалившихся старшеклассников. Хорошо как! Весна! Анжела сидела в своём кабинете заместителя директора по воспитательной работе и перебирала в памяти сценарий только что закончившегося праздника. Как удачно прошёл день рождения директора! Как он радовался! А я как смотрелась?.. Фу-ух... до сих пор сердце колотится! Но всё получилось, получилось! Как смотрел он и слушал когда я читала стихи... Пронзал насквозь, и взгляд его неизменно опускался в глубокий вырез декольте... И стоило мне поднять глаза на него, как я сразу сбивалась в тексте... А розу несла на вытянутых руках! Руки дрожали, я прижимала их к груди, сжимая плечи, но донесла розу... И протянула ему, а он двумя руками её взял приложил к губам и... и... поцеловал мне руку! Да! Он думал, что это финал! А здесь неожиданно для него зазвучал вальс. Мой полупоклон, и – ему ничего не оставалось, как взять меня за талию и закружить... Боже! Как он танцует! Кто сейчас умеет танцевать вальс?! Интересно, коллеги в зале заметили, как прижался он ко мне, кружась?.. Нет, явно он равнодушен ко мне... Наши душевные беседы в его кабинете и его многозначительная улыбка, взгляды, стремление прикоснуться-притронуться... И капельки пота, внезапно покрывающие лицо...

Анжелика вспыхнула, заново переживая волнительные минуты прошедшего праздника, взяла тетрадку и стала обмахиваться ею, как веером. Скоро выпускной вечер. Надо придумать необыкновенный сценарий! Чтобы задействовать Алика – ему это нравится. И включить неожиданно вальс... И я сама приглашу его. Надо будет за столиком сесть вместе. Я оденусь неотразимо, плюс – духи. А там... ночь длинная и гостиница рядом...

Наталья Михайловна уже лет десять собиралась уйти на пенсию и опять откладывала свой уход.

Нет! Ещё поработаю. Даёт директор часы и, слава Богу! Вот прошла предварительная тарификация, как я переживала! А зря! Он так меня успокоил, сказал, что без таких опытных учителей, как я – школа обеднеет! На летнюю площадку меня записал, а я давай упираться – старая уже с детьми по экскурсиям и паркам ходить. А он? Да что Вы! Вашей энергии позавидовать можно! Вы такая энергичная, оптимистичная. И ещё какая-то, забыла от волнения. Оценил! Молодой совсем, в сыновья мне годится – сорок пять всего, а какой умница! И хорошенький, ой, не могу! Глазищи синие, глубокие, а кудри – тёмные, а улыбался как... И мне – комплименты, комплименты!.. Нет, слушай, Наташка, а чего-й-то это он так многозначительно тебе улыбался-то? Ну и что, что на двадцать лет старше! Вон Пугачёва – почти на тридцать старше своего милого, и ничего!

А на формы мои как поглядывал, стервец! Всё норовил прикоснуться плечиком... Мой шестидесятый размер, видимо, ему нравится... Надо завтра надеть гипюровую блузочку... Сказал же, что беседу продолжим завтра. Так... А где моя перламутровая помада? И волосы надо срочно подкрасить. Э-эх! Наташка! Мы ещё ого-го! А скоро выпускной! Мои детки меня пригласили как же без первой учительницы? Пойду обязательно, приглашу его танцевать, и пусть у нас кружится голова!

Три подружки в пустом классе весь урок обсуждали текст сценария выпускного вечера. Лизка и Сашка выдавали стихи "на гора", словно грузчики – родной мат... Райка слушала, комментировала, исправляла, добавляла. Ей не нравился сценарий, не нравились подружки с их не по делу возвышенными рифмами. Но – терпела! Как же, все знают, что сценарии пишут они втроём. А что там кто выполняет – не важно. Главное – быть рядом, точил голову назойливый червячок... Потом вместе выйти на сцену в пьеске общего авторства. И так – влезть в глаза шефу. Лизка – глупая, не понимает своих возможностей! Так стихи легко пишет! И Сашка – тоже! Артистки какие! Мне бы их таланты. Я бы уже давно в заместителях директора ходила! Или председателем профкома стала бы. А он – выбрал в заместители Анжелку и Люську... Тоже мне – звёзды! А сценарии для Анжелки пишет наша троица! Надо ему открыть глаза, и Анжелку подвинуть... Или нет, может Люську из замов подвинуть проще? И ещё – какой из неё математик? Когда ей к математике готовиться? Класс с углублённым изучением математики – директору так захотелось! Люську на курсы посылал, сам ездил туда же. Знаем, как же, какое ему углубление надо!

Всюду он «углубляется»... Вот точно – скажу, что сыну моему не понятно, как Люська объясняет на своих уроках! Что приходится нанимать Жорке репетитора... Что ей ещё такое подстроить, чтобы подвинуть из завучевского кабинета?.. Чёрт, хорошенькая Люська, одни глаза чего стоят! Отдадим ей должное... И расписание составляет – всем угодит – не

подкопаешься. А он, он-то! Как начнёт с Люськой свои беседы вести в кабинете – не пробьёшься к нему – всё жу-жу-жу да жу-жу-жу... А Люська выходит от него вся сияющая! И что он в ней нашёл?.. Нас – вон сколько! А как Алик мне шептал на ушко, танцуя на новогоднем «огоньке»: «Рая, Раечка! Вы самая зажигательная и привлекательная, а фигура у Вас, как у Венеры!» Ай, увлеклась я размышлениями... Надо дописать сценарий – выпускной вечер скоро... Вот где я поработаю! Не подпущу никого, готовься, красавчик Алик, не зря же ты мне глазки строишь!

Педагог-организатор, а по-простому – вожатая Лялька зашла в пионерскую и плюхнулась на стул у окна. На подоконнике – зеркало, косметичка. Та-ак... Прошёл праздничек – шефу понравилось! Щёточка с тушью забегала по накрашенным с позавчерашнего дня ресницам. Р-раз, два! Глаза – прелесть, где карандаш? А, девчата брали и не отдали. Помаду "съела" – подведу.

Славно детки выступили! Тоже мне заместительница-Анжелика – прямо маркиза ангелов – нача-а-альница! Сколько там было её работы? Всё – на мне! Давай, Ляля то, давай – это! А сама? Только и знает, что меня проверяет! А что ты, Ляля, с малышами подготовила, а что там восьмые классы? А она? Чита заморская – волосы распустила – цыганка недоделанная, тридцатник стукнул, а туда же – молодится под девочку! Шла бы к мужу, да к малявочке своей – погремушками тарыхтеть! Нет же, глазки свои чёрные бесовские Алику строит! Розу преподнесла на вытянутых ручках – ах, ах! Утончённость французская... Духи благоухают облачком... А он? Перья свои распустил. Как же, величают-поздравляют. Анжелку зажал в вальсе... А меня сколько раз в пионерской зажимал, кобе-ель синеглазый...

Только я бы не так всё построила на празднике! Куда Анжеле до меня?! Вот закончу свой универ – достала уже эта учёба... Молодым – дорогу в карьере! А Люська! И её бы неплохо подсидеть, тоже – старуха! Целых сорок пять намотало, а всё с ней Алик советуется... Жужжат в кабинете у него... Старички долбанутые... Нет! Он-то ничего мужик, возраста не чувствует. Пляшет-скачет, улыбочки-шуточки, анекдоты на тему секса – оборжаться! А одет как! Стрелочки, туфельки с иголочки. Прическа, правда, не модная... Нет, я за старика не вышла бы, а вот погулять... Стоп! Машину он свою в школьном гараже держит... А что – мысль! Надо бы исправиться - изобразить, э-э-э, ну чтобы подвёз меня по пути, что ли?.. А там и свернуть с дороги... Не зря же он приглашал меня подвезти домой, а я отказывалась, дурёха...

А недавно? Входит в открытую дверь его кабинета Люська, а мы с ним в уголке у окна альбомчик рассматриваем в обнимочку... Люська обалдела! И говорит: "Двери бы прикрыли, или секретаршу бы предупредили, что заняты..." Ха-ха-ха!.. Как я мимо Люськи прошла-то! Бёдрами, бёдрами!.. А Люська – дура. Промолчала бы... завидно стало? Я потом ему подмигивала... Улыбается-сияет...

Десять слоёв пудры легли на молодое красивое лицо и затрамбовали собою естественную молодость кожи. А организатор-вожатая, подогреваемая собственными мыслями, машинально подводила глаза, опять и опять подкрашивала ресницы, губы. И мечтала, мечтала... Скоро выпускной! Я надену шифоновое платье! И – шпильки. Анжелкины ножки отдыхают! И сесть надо рядышком, я незаметно положу свою руку ему на колени... Ха-ха-ха!.. Поведётся папочка? Ну да, а рядом с кафе – гостиница! Никто и не заметит нашего небольшого отсутствия... И должность мне обеспечена...

А Люсю тоже раздирали на части разные мысли. Она сидела в своём уютном кабинетике, увитом от пола до потолка комнатными цветами, смотрела в школьный двор, откуда в открытое окно врвался шум перемен и яркое апрельское солнце. Шум сменился тишиною уроков, а Люся всё размышляла.

Да, похоже, Алик заигрался не на шутку. Вон как выплясывал сегодня, обнимаясь с Анжелкой... Красавец... Ещё пару лет тому назад игры и работы было поровну. А сейчас вовсе отошёл от дел! Приказы по школе пишу я. Всеобуч, трудновоспитуемые, внутришкольный контроль, семинары, замены, отчёты, бухгалтерия – всё свалил на меня! И выискивает ошибки в работе, и вычитывает прилюдно! Сколько можно обижаться, отбиваться и плакать? Да, бухгалтерия, оказывается у него особенная... Как меня увлёт-то! Ну поняла я, зачем ему писала три экземпляра одинаковых актов – вот хитрец! И меня за

дурочку держал. А сам уже вторую машину купил, ремонт дома сделал, окна пластиковые поставил... Мне же пачку бумаги жлобится выдать!

А как всё было красиво! Пришёл в школу молодой и красивый – залюбоваться, с множеством светлых идей. А я – наивная! Тоже – поверила, что он хочет сделать школу лучшей в городе, из кожи лезла – старалась! Возтянула за двоих... Алик так уверился в своей неотразимости, что вовлёл меня в эту сомнительную свою бухгалтерию... И я, дурочка, попала на удочку! Теперь вижу, как он увлёкся своей директорской игрой "Рыбалка"... То одна, то другая девчонка попадают на его кобелиный крючок. Что берёт с них Алик? С меня – акты для отмыwania денег, понятно. А с них?

Ну, Лялька – молоденькая совсем – тонус ему поддерживает. А Наталья Михайловна? Боже! Десять лет на пенсии, а туда же – из кабинета не вылезает! Анжелка сказала, что уйдёт летом – достал он её своими двусмысленностями. А Райка? Стерва! Карьеристка! Вот кто по костям пробирается вверх! Надо уходить, Люся... Потому, что директор всегда прав, и будет прав! В Музах теперь у него – молодая Лялька! Надо же, захожу в кабинет, а они...фотки рассматривают! И так Алик её за плечи обнял нежно... Мерзавец!

Люська терзалась. И ревновала к невозвратимой молодости, и возмущалась изворотливостью и хитрой наглостью директора, и вытирала украдкой слезу – от бессилия. Совсем близко выпускной вечер! Как хорошо всегда было на выпускных, пока Алик не заигрался. Скоро не сможет из-за

своих игр никому замечания сделать! Работа разваливается! Девчонки наглеют, а я поддержки не нахожу! Особенно во время "рыбалки"... Да, Люся, чувствуешь, к какому выводу ты приходишь? Правильно, уходи! Нечего плакать. Здоровье дороже.

И вот долгожданный выпускной вечер! Бело-розово-голубо-зелёно-сиреневая волна плыла в огромном школьном зале. Это красавицы-девчонки с умопомрачительными причёсками в последний раз пришли в родную школу. Их широко распахнутые глаза были нетерпеливы и радостны: скорее, скорее, во взрослую жизнь! А мальчишки в своих первых шикарных костюмах совершенно преобразились. Из худосочных юнцов превратились в солидных, уверенных в себе, галантных кавалеров.

Аттестаты вручены, и родители уже забрали их для сохранности. А радужные волны вылились наружу и потекли из всех школ шумными потоками на центральную площадь. Здесь по традиции, уже лет тридцать, город провожает выпускников во взрослую жизнь. Красивое зрелище! Оркестры и бальные танцы, воздушные шары и взмывающие ввысь голуби, цветы наставникам и вышитые рушники мам детям – на дорогу. И щемяще-нежная музыка традиционно звучащей мелодии:

Когда уйдём со школьного двора
Под звуки нестареющего вальса,
Учитель нас проводит до угла...

А что же директорские Музы? У них такие грандиозные планы на сегодняшний вечер и.... ночь... Алик, как всегда – неотразим! Вокруг него выются-плавают улыбающиеся «рыбки» – лови-выбирай! Все такие загадочные, нарядные, просвещающиеся и благоухающие... Звёздная ночь накрыла город волной переплетающейся музыки из многочисленных кафе и ресторанов – здесь сегодня повзрослевшие дети, родители и учителя отмечают знаменательный момент, за которым – новая, неизведанная жизнь...

Алик вышел из кафе в час ночи, отошёл в сторонку и курил, размышляя.

Как надоела уже работа! Все эти бумаги, проверки, озабоченные дамочки... Слава богу, через неделю – отпуск! Эх, уехать бы, да Настасью дома оставить – Швабра она и есть – правильную кличку дали ей ученики, одна кожа да кости, и куда мои глаза смотрели раньше?! Послал бы лесом! Так дети же, да и обо мне заговорят... Не-ет, директору негоже, терпи, Алик! Развлекайся, восполняй недостаток острых ощущений! Мало ли желающих у тебя

в

подчинении?

Эвон, как вырядились сегодня – просвещаются! А пойду-ка я приглашу покурить Ляльку. Да, Алик, пора смелее быть – гостиница рядом!..

«Не желаете ли, Лариса, подышать свежим воздухом?..» - прошептал одними губами... Лялька заулыбалась, схватила сумочку и выпорхнула из-за стола – наконец-то дождалась – Алик осмелел!..

Покурили, пошутили-побалагурили, и вошли в скромный номер... Алик вынул из кармана сотовый и собрался выключить, чтобы не помешал, но телефон в его руках зазвонил. Лицо директора перекосило от страха! «У нас беда... - промямлил, и руки его затряслись, - только что, взяв у кого-то мопед, разбились Романов и Жукова, они от кафе поехали прокатиться...» Ляльку тут же сдуло ветром! «За что? За что?» - стучало, выскакивая из груди, готовое лопнуть от предстоящего ужаса сердце Алика...

Первосентябрьские букеты

Ч. 2

- Зачем ты попёрся в кафе? Закончился праздник в школе и на площади, и до свидания – ты заболел! Нужен тебе был тот выпускной?! – орала Настасья на мужа. – Говорила тебе, надо «заболеть». Но ты же не можешь! Как же, тебе же надо поулыбаться твоим бабочкам! Да выпить хорошо, да позажиматься... И не возражай! Знаю, знаю – кума всё видит и чётко докладывает! Вот слетишь с директорской должности к чёртовой матери, и все наши жизненные привилегии закончатся.

- Да ты хоть не каркай! Нет того, чтобы пожалеть, так пилишь уже час. Давай попробуем поспать хоть чуток, день будет сложным. – Алик, не раздеваясь, вытянулся на диване и закрыл глаза. Настасья потушила верхний свет и ушла в спальню.

Конечно, Алику не спалось. В голове роем носились мысли. Что будет? Что делать? Как там Жукова? Пришла ли в сознание? Надо завтра пойти к ней в больницу. А когда будут хоронить Романова? Кто его просил сесть на этот дурацкий мопед? Да, рановато я ушёл из-за стола... Лялька виновата – глазки строила, коленки выставляла – я и повёлся, болван! А сидел бы со всеми, глядишь и не поехала бы эта парочка кататься... Как же мне выпутаться? Эх, завал! Залетел ты, Алик, как пить дать... Не отмоюсь...

Настасья скулила, как собачонка, кусая подушку. Ах, дурачок! Ой, влип! Что может быть серьёзнее для директора школы, чем смертельный случай с учеником во время выпускного вечера?! Сколько раз говорила ему, чтобы завязывал свои игры с дамочками в школе и занимался работой! Леська сколько мне рассказывала о его кобелиных похождениях... Не знаю я его, что ли? Доигрался!.. И где был-то во время происшествия? – В гостинице!!!

Так, стоп. Завтра же идём к Лиде, муж у неё адвокат высшего класса – все дела выигрывал. Будем просить совета, пытаться что-то сгладить...

Наступило воскресное утро, не спалось, и Настасья с трудом дождалась десяти часов, чтобы позвонить Лиде – подруге и коллеге по своей школе, и, объяснив, что дело не терпит отсрочки, попросила встречи с Олегом Ивановичем.

Лида с Олегом всегда с удовольствием общались с семьёй Настасьи и Алика. Но в этот раз шокирующий рассказ о свежих ночных приключениях повёрг в шок. Олег включился, потёр виски и стал выдавать свои советы Алику и Настасье. У Алика слегка отпустило сердечный спазм – он почувствовал, что в советах Олега есть рациональное зерно в помощь ему, Алику.

- Ну, действуй! – сказал на прощание друг-адвокат Олег, - дорога каждая минута! Ты - в больницу, а Настасья - к матери погибшего! Удачи!

Серый, с помятым лицом, Алик зашёл в палату травматологии – Жукова, вся в бинтах и гипсу, из-под лба поглядывала на директора виноватым взглядом. Она пришла в себя рано утром и, узнав, что Жорка разбился насмерть, плакала и тихонько звала друга по имени, не веря, что тот не придёт.

- Здравствуй, Лера! Как же это вас угораздило?! Перебрали, явно! – пытался строго выговаривать директор, но в голосе его звучали заискивающие нотки...

- Лерочка! Выздоровливай скорее! Жаль, Жору не вернуть. А нам – жить! Я тебя очень прошу, скажешь следователю, что вы в двенадцать вместе с родителями ушли по домам! А потом уже решили покататься и опять встретились с Жорой... Я тебя отблагодарю! Подарю тебе всё, что ты захочешь! Выбирай!

Лера перепугано-удивлённо смотрела во все глаза на Альберта Станиславовича и не верила своим ушам. Голова болела-раскалывалась, болели ушибы и переломы, слезами-пеленой затянуло сознание. Но она всё поняла! Да, школа закончена, и ей нечего уже бояться директора – это он боится её! Её показаний!

- Да, хорошо, я так и скажу... Только... купите мне и принесите сюда... ноутбук с белой клавиатурой!.. И со всеми наворотами, и с мобильным Интернетом...

- Ты молодец, - сказал директор школы, поставив на тумбочку пакет с фруктами, и пошёл к двери.

- И серёжки! Серёжки золотые с камешком! – рявкнула ему вдогонку Лера прорезавшимся наглым голосом.

А Настасья, вытащив пачку долларовых купюр из тайника в паркете, и повздыхав, прощаясь с записочкой, пошла к Романовым.

Жорку воспитывала одна мать. Одно слово – воспитывала! Вечно пропадала на двух работах. А когда стала ездить в Киев, вообще забросила сына. «Да что его воспитывать? Взрослый уже!» - думала месяц назад Люба. А вот как всё получилось! «Сыночек мой родненьки-ий, - плакала мать, - совсем одна я осталась... как же ты не уберёг себя? Такой красивый был вчера на вечере в новом костюме... А теперь? Новый костюм надо купить на похороны, а за что?..» - слёзы лились из глаз, Люба выпила уже почти

флакон сердечных капель. «Следователь скоро придёт, нужен он мне?.. отстали бы все...» - болела голова, и глаза ничего не видели от слёз.

Прозвучал звонок в дверях, и Люба поплелась в прихожую, открыла дверь, и увидела высокую худющую женщину неопределённого возраста.

- Я – жена Альберта Станиславовича, директора школы, хочу с Вами поговорить! – скороговоркой протараторила она и тощей своей фигурой внесла опешившую Любу в квартиру.

- Мои Вам соболезнования! Как жалко парня! Жить бы да жить! Не плачьте, руки теперь не подложите... Знаете, в школе могут быть разборки...

Вы же умная женщина, сына не поднять, а моему мужу светит... - тарахтела Настасья.

- Вот, я на колени перед Вами встану, просить буду! – и она упала на колени, одновременно вынимая из сумочки пачку долларов.

- Пожалуйста, скажите следователю, что это Вы забрали сына домой ещё в двенадцать ночи! И вместе пришли домой. И легли спать. А он потом сам, ничего Вам не говоря, ушёл гулять к девушке. А потом они уже врезались в столб...

Люба молчала. В висках стучала боль. Глаза втупились в пачку долларов...

- Нет! - вскрикнула Люба! – сыночек мой любимый! А-а-а... - заголосила она...

Настасья выпуталась из своих сомлевших колен, подошла к Любе, стала уговаривать, а деньги положила ей в карман халата.

- Я пойду, - проговорила Настасья, подумайте, здесь и на похороны, и на памятник, и ещё останется, посчитайте...

И в этот же момент в незапертую дверь постучали и вошли двое молодых мужчин...

Алик позвонил своему заместителю Анжеле Павловне, велел срочно мчаться в школу и поднимать всю документацию: все ли бумаги по технике безопасности в порядке, все ли подписи есть в наличии...

- Я буду через час, посмотрим приказы по школе! Вы же понимаете, что нас ожидает? – срывался его голос.

А сам, взяв такси, через пять минут купил серьги в «Золоте» и в «Технополисе» оформлял уже документы на шикарный ноутбук «Toshiba»...

Настасья, выйдя от Любы Романовой, позвонила мужу:

- Успела я! Опередила следователя! Только вот мать стонет-воет и сомневается... Что? Да, оставила, в карман положила. Говорю же, что успела... А ты как побеседовал с девицей? Что?! В «Технополисе»? И в ювелирном побывал? Ну, так, что же дорогой, любишь кататься – люби и саночки возить! – отрезала Настасья Алику. И зло выключила телефон.

После повторной встречи с Лерой Жуковой Алик глубоко вздохнул – не должна подвести девчонка.

Прикатил в школу - Анжела утонула в ворохе бумаг

- Ой, Альберт Станиславович! На Вас лица нет! Что теперь будет-то?

- Что будет, что будет? – А документы давайте просмотрим! Показывайте, что у нас в журнале по технике безопасности по классам? Так... Порядок.

Вот здесь только подберите цвет пасты – надо дописать...

А в плане воспитательной работы что у нас? Лекции представителей ГАИ были? Сколько? Одна? Мало! Перепечатайте – хотя бы три встречи мы провели! А наркологи у нас выступали? Сколько раз? Два? Перепечатайте! Ежемесячно они встречались с каждым классом! Обзвоните всех классных руководителей, пусть посмотрят свои планы воспитательной работы, чтобы ежемесячно была в плане встреча-беседа-лекция-диспут!

- Не реально, Альберт Станиславович! Вызовем зло у коллег! Это же полностью планы переписывать – не согласятся...

- Ну, в одиннадцатых – обязательно! Вы что, не понимаете?? – заорал директор так, что у Анжелы заложило уши. – Иначе пойдём мы с Вами на рынок торговать!! – и сорвался на мат...

«Фу, какой он неприглядный и жалкий, как за свою шкуру трусится! - Анжела поёжилась внутренне – вот и мат пошёл в ход! А какого же культурного строил из себя... Вся обаятельность слетела с перекошенного от злости лица...»

- Я давно думала, что уйду из школы, - проговорила Анжела. – Я не считаю возможным продолжать работать, наша команда распалась. Тем более – такое произошло... И Вас, и меня попросят... Я уйду «по собственному». Я и заявление вот подготовила, подпишите, пожалуйста!

- А-а-а! - заверещал Алик, - крысы бегут с тонущего корабля!

Анжела положила заявление и ушла – впереди был летний отпуск, и ничто больше не держало её в школе.

...Первого сентября в огромном школьном дворе играла музыка. Вся тысяча её учеников выстроилась в форме прямоугольника. «Линейка» утопала в цветах.

- Слово для приветствия предоставляется директору школы! – объявила новая заместитель по воспитательной работе – Лариса Анатольевна. Лялька как раз получила свой «заочный» диплом о высшем образовании, а в замы она рвалась давно – все годы, которые проработала организатором-вожатой. Сбылась её мечта!

К стойке с микрофоном подошёл сияющий Альберт Станиславович и приготовился к поздравительной речи. А из каждого класса отделились ученики, направленные классными руководителями – они несли директору первосентябрьские букеты...